

— Две огромные собаки, — сказала Ци Юйлинь. — И лекарство!

— Боже мой! — Императрица Ван невольно прикрыла рот рукой.

Слова Ци Юйлинь были не совсем ясны, но императрица Ван, выросшая во дворце и с детства окружённая интригами, сразу поняла суть. Супруга Сунь, видимо, осознала, что тайна её дочери недолго продержится за стенами дворца, и решила пойти до конца, инсценировав устранение дочери, используя укусы собак как объяснение, чтобы гарантировать, что даже изуродованное тело «принца» не вызовет подозрений.

— Почему ты не сказала раньше?! — не удержалась императрица Ван.

— Она моя мать, — опустил глаза, Ци Юйлинь замолчала.

Ответ был расплывчатым, но императрица Ван интуитивно истолковала его как беспомощность ребёнка перед родителем и даже как снисходительность и терпимость девочки к своей матери. Сердце императрицы смягчилось, и она, обняв Ци Юйлинь, утешила:

— Не бойся, она больше не причинит тебе вреда. Отныне никто тебя не обидит, никто не сможет тебя обидеть, клянусь!

Ци Юйлинь не ответила, бесстрастно прижавшись к императрице Ван.

А на её юном личике, скрытом от взгляда императрицы, глаза были пустыми и холодными.

В ту же ночь за пределами дворца, в переулке Имао, который столичные жители прозвали улицей знати, многие также ворочались без сна.

Министр наказаний Чжу Бянь был одним из них.

В этот момент он сидел один в своём кабинете, открыв окно, вдыхая холодный ночной ветер и глядя на полную луну.

Благословенное вино, дарованное императором, уже было распечатано и стояло на письменном столе рядом с наполовину полной чашей.

Это вино было слишком крепким, возможно, военным оно нравилось, но вкус Чжу Бяню не подходил.

И настроение его было таким же неприятным, как и язык, только что ощутивший жгучую крепость.

— Он поддерживал Ци Юньхэна не для того, чтобы помочь ему завоевать престол и стать императором!

— Он поддерживал Ци Юньхэна в учреждении поста императорского супруга и его возвращении в столицу не для того, чтобы они объединились и делили власть!

У Чжу Бяня никогда не было намерения служить дракону. На самом деле он хотел утопить этих драконов на мелководье, чтобы Поднебесная пребывала в хаосе как можно дольше, чтобы ни один герой не смог насладиться победой, а народ не знал покоя изо дня в день!

Однако с тех пор как он примкнул к Ци Юньхэну, все его планы всегда оказывались на шаг позади или даже оборачивались против него. Многие стратегии, призванные посеять разброд в

войсках Ци Юньхэна, лишить его народной поддержки и подорвать основы, в итоге неизменно шли ему на пользу, словно само небо было на его стороне. Истинный дракон оставался истинным драконом, его просто не могли поколебать ничтожные насекомые.

Однажды Чжу Бяню наконец удалось довести армию Ци Юньхэна до состояния отсутствия провианта, и всё шло к мятежу в лагере. Кто бы мог подумать, что Ци Юньхэн словно по волшебству отыскал зернохранилище, сумев в безвыходной ситуации найти поворот.

Затем, незаметно для себя, Ци Юньхэн уже взошёл на престол и стал императором, а он, Чжу Бянь, стал главным заслуженным советником.

В день восшествия Ци Юньхэна на престол Чжу Бянь в редкий раз напился до беспамятства.

Окружающие думали, что он от радости потерял самообладание, а Чжу Бяню хотелось найти кого-нибудь, чтобы выплакаться в жилетку.

Но Чжу Бянь не был тем, кто сдаётся после неудачи, и вскоре, сделав выводы из горького опыта, он снова взялся за дело.

Как раз тогда Ци Юньхэн захотел вернуть Оуяна во дворец, и Чжу Бянь тут же почувствовал, что снова нашёл прекрасную возможность посеять смуту при дворе. Он немедленно помог Ци Юньхэну преодолеть сопротивление и утвердил возвращение императорского супруга в столицу.

Однако, когда тот самый императорский супруг действительно вернулся в столицу, Чжу Бянь с досадой обнаружил, что у этого человека нет и намёка на сознание «любownika-мужчины», он и не похож на того, кто, по слухам, любит создавать скандалы, к власти тоже не проявляет интереса, и даже, как и он сам, выставляет напоказ такой безобидный недостаток, как стремление к удовольствиям.

— Словно бы, побывав подлецом восемь жизней подряд, он оставляет лишь те слабости, что служат ловушками, дабы угодить государю!

Чжу Бяню с трудом удалось найти возможность уговорить Ци Юньхэна вывести императорского супруга на придворную арену, но тут кто-то вмешался, превратив того, кто должен был вызвать всеобщий гнев, в подателя даров императору, попутно укрепив императорский статус Ци Юньхэна и сделав его власть государя ещё более незыблемой.

Сегодня Ци Юньхэн вывел на сцену отшельника, о происхождении которого даже Чжу Бянь не знал, добавив своему трону ещё немного небесного величия, а появившиеся императорский супруг и императрица тоже не подвели, устроив на глазах у всех прекрасный спектакль о гармонии в задворках.

После этой серии ударов даже Чжу Бянь почувствовал, что нынешняя династия, по крайней мере в лице императора, уже непоколебима, как гора Тайшань, и безупречна, и даже если есть недостатки в наследнике, это не мешает императору, молодому и сильному, рожать и ждать.

На самом деле, после правления исключительно мудрого государя большинство сановников склонны желать правителя не столь выдающегося, но и не глупого — золотую середину.

Как говорится, при мудром правителе нет преданных сановников. Если государь слишком выдающийся, как же министры смогут сеять смуту и верховодить при дворе?

Именно из-за этих невысказанных корыстных мыслей сановники не хотели, чтобы опорочивший себя старший принц Ци Юйчэ взгромоздился им на голову и тиранил, а очень надеялись, что не столь выдающийся во всех отношениях, но смыслённый и послушный второй принц Ци Юймин станет наследником престола.

Однако, судя по наблюдениям и догадкам Чжу Бяня, Ци Юньхэн, похоже, ещё не хочет возводить ни одного из принцев в ранг наследника.

Это заставило Чжу Бяня задуматься.

Но Ци Юньхэн вряд ли настолько потерял рассудок, чтобы породить абсурдную мысль передать престол императорскому супругу. Они же ровесники, кто умрёт первым — ещё неизвестно, так что возможности передачи просто нет. Говорят, императорский супруг бесплоден, а единственный любимый племянник — девочка, так что даже для узурпации трона нет капитала.

Подумав, Чжу Бянь мог лишь отнести это к почти патологическому стремлению государя к власти.

Досадно было то, что и это не могло угрожать власти Ци Юньхэна как государя.

Ведь Ци Юньхэн возвёл на престол девушку из семьи Ван. С таким разветвлённым и могущественным аристократическим родом за спиной, даже если сам Ци Юньхэн ничего не скажет, ученики и последователи семьи Ван засучат рукава и ринутся в бой, защищая императрицу Ван и сокрушая всех тех авантюристов, что попытаются захватить место наследника до того, как императрица Ван родит законного сына.

Ещё больше Чжу Бяня раздражало то, что, не знаю уж, что он сделал не так, в последнее время Ци Юньхэн во государственных делах всё больше полагался на таких честных и прямолинейных сановников, как Ми Су и Вань Шань, из-за чего он уже не решался легко открывать рот, боясь усугубить ошибки и полностью раскрыть себя.

Но если он теперь замолчит и, подобно Министерству наказаний среди шести министерств, станет пресной водой на обочине, Чжу Бянь отнюдь не мог с этим смириться.

Чжу Бянь перебрал все возможные события, которые могли бы доставить Ци Юньхэну неприятности, но в итоге лишь ещё сильнее возненавидел того мерзавца, что устроил историю с подлинной и поддельной нефритовой печатью.

— погоди, я тебя из самого дальнего угла вытащу, обязательно вытащу!

В досаде Чжу Бянь поднял чашу и осушил остатки вина.

В следующее мгновение он швырнул чашу, вскочил на ноги и, схватившись за горло, рявкнул в окно:

— Быстрее несите вашему господину воду! Ту, что с белым сахаром размешивают, быстрее!

В ту же ночь, в пределах дворца, перед покоями наложниц, за роццей, где жили младшие евнухи, во дворе под названием Тайная обитель Шэнь Чжэньжэнь, подобно некоему министру по фамилии Чжу, сидел у открытого окна и смотрел на луну.

Что же касается его настроения в этот момент, то его можно описать лишь словом

«ошеломление».

Шэнь Чжэньжэнь и представить не мог, что встретит во дворце другого культиватора, да ещё и старшего, чьим уровнем cultivation можно было его полностью подавить.

После жертвоприношения Шэнь Чжэньжэнь даже не знал, как вернулся в Тайную обитель, лишь очнувшись, обнаружил, что стоит у ворот обители, а взглянув на солнце на небе, понял, что уже далеко за полдень.

Только тогда он осознал, что неподвижно простоял перед воротами обители добрых полдня.

Придя в себя, первой мыслью Шэнь Чжэньжэня было немедленно сообщить об этом Секте Дао, но, не успев действовать, он решительно отбросил эту мысль.

Сообщить секте о деле было легко, но дальнейшее развитие событий он контролировать не мог.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16203/1454574>